

ГОДЪ XV-й.

15-го ЮНЯ 1879 Г.

СМОЛЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 11-й.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ 4 РУБ. 50 КОП.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.
ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Пресвященный митрополитъ московскій Макарій.

Долговременное неутомимо-ревностное служеніе ваше церкви православной, приобретенная вами опытность въ церковномъ управленіи и просвѣщенные труды ваши въ области духовной науки, снискавшіе вамъ всеобщее уваженіе въ отечествѣ и за предѣлами онаго, обратили на себя Мое вниманіе при избраніи преемника почившему митрополиту московскому Иннокентію. Признавъ справедливымъ вѣрить вамъ московскую епархію, съ возведеніемъ васъ въ санъ митрополита, Я питаю твердую надежду, что вы съ тѣми же достоинствами и пользою для церкви будете проходить служеніе на новомъ назначенномъ вамъ поприщѣ и что кафедра московскихъ первосвятителей, которая постоянно украшалась іерархами, составлявшими честь и славу отечественной церкви, будетъ имѣть въ васъ вполне достойнаго преемника ихъ пас-

Отд. офф.

1 л.

тырскихъ доблестей. — Божественный Пастыреначальникъ да укрѣпитъ силы ваши въ предстоящихъ вамъ новыхъ священ-ныхъ подвигахъ.

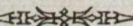
Препровождая къ вамъ бѣлый клубокъ съ крестомъ изъ драгоценныхъ камней и поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербурѣ.

10-го апрѣля 1879 года.

II.

Указы Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 22-го марта — 16-го апрѣля 1879 г. за № 595, по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія.

Подъ указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта сего года за № 1161, о томъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8-го ноября — 28-го декабря минувшаго года, сообщено было министру финансовъ объ изъясненныхъ въ ономъ соображеніяхъ относительно освобожденія отъ оплаты гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ. Нынѣ товарищъ министра финансовъ сенаторъ Гирсъ увѣдомляетъ, что по 1 п. 45 ст. герб. устава отъ гербоваго сбора освобождены прошенія и другія бумаги, означенныя въ ст. 6 п. 1, а

также разрѣшительныя бумаги во всѣхъ вѣдомствахъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ; къ числу же разрѣшительныхъ бумагъ, согласно п. А № 215 алфавитнаго къ гербовому уставу перечня, относятся и выдаваемые должностными лицами и правительственными, какъ судебными, такъ и административными установленіями, копии съ разрѣшеній, опредѣленій, приговоровъ, постановленій и другихъ документовъ. Посему, на основаніи п. 1 ст. 45 герб. уст., отъ гербоваго сбора изъяты копии съ рѣшеній, протоколовъ и приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ. Что же касается установленной ст. 795 Уст. Угол. Суд. 1864 г. платы по 20 к. съ каждаго лица за написаніе копии съ приговора, выдаваемой участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, то плата эта не составляетъ гербоваго сбора, и вслѣдствіе того помянутая 795 ст. сохранила свою силу и послѣ введенія въ дѣйствіе, съ 1-го іюля 1875 г., устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года. И, по справкѣ, при ка за ли: объ изясненномъ въ отзывѣ товарища министра финансовъ разясненіи вопроса объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ, выдаваемыхъ просителямъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія, объявить по духовному вѣдомству для свѣдѣнія и въ надлежащихъ случаяхъ руководства и исполненія, для чего и припечатать настоящее опредѣленіе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

II. Отъ 13-го марта — 13-го апрѣля 1879 года за № 20, о составленной г. Гиляровымъ книгѣ подъ названіемъ: «Этимологія церковнославянскаго языка» съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный господиномъ

Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, отъ 28-го февраля сего года за № 85, коимъ составленная преподавателемъ 3-го военнаго александровскаго училища *Θ. Гиляровымъ* книга „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“ (Москва 1876 г.) одобряется въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. **П р и к а з а л и:** заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ мужскихъ духовныхъ и совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, сообщить циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, съ приложеніемъ копіи съ журнала Комитета.

*Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 66, — о книгѣ, подъ названіемъ: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“ (Москва 1876 г.), составленной преподавателемъ 3-го военнаго Александровскаго училища *Θедоромъ Гиляровымъ*.*

Означенная книга г. Гилярова состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части помѣщены объясненія этимологіи церковно-славянскаго языка; во второй — краткія выдержки изъ Остромирова евангелія, приведенныя какъ примѣры на разные параграфы для объясненія важнѣйшихъ случаевъ въ этимологіи, въ выдержкахъ текстъ напечатанъ исправленнымъ въ правописаніи съ раздѣленіемъ рѣчи на слова.

Учебникъ этимологіи, предлагаемый г. Гиляровымъ, представляетъ, по словамъ его (въ предисловіи), „только мінімумъ свѣдѣній изъ церковно-славянскаго языка по его отношенію къ русскому“, чтобы „систематическимъ изложеніемъ этимологіи церковно-славянскаго языка закрѣпить сознательно въ памяти учащагося современную орѳографію“. Поэтому почти каждая статья въ разсматриваемой этимологіи заключается указаніемъ на орѳографическія затрудненія, въ которыхъ ав-

торъ современное начертаніе признаетъ этимологически правильнымъ или только принятымъ по употребленію; наприм. „правильно принято въ русскомъ языкѣ, говоритъ авторъ на 5-й страницѣ, изображать чрезъ ѣ слова: блѣдный, Глѣбъ: клѣтъ, млѣтъ, слѣдь, хлѣбъ, брѣю, грѣхъ, зрѣтъ., а слова: время, дремать, среда, требовать, влечь, плева и т. п. только по употребленію принято изображать чрезъ е“.

Собственно этимологическія данныя разбираемой книги разсматриваются церковно-славянскія совмѣстно съ русскими въ сопоставленіи гласныхъ, согласныхъ и флексій. Указавши на свойства гласныхъ и согласныхъ — измѣняться одинаково или различно въ древнемъ языкѣ и новомъ, авторъ объясняетъ необходимость различать въ словѣ корень, основу, соединительныя гласныя, приставку, суффиксъ и флексивныя формы. Затѣмъ подробно разсматриваетъ свойства и принадлежности каждой части рѣчи въ церковно-славянскомъ языкѣ, сравнительно съ русскимъ. Въ результатъ тщательнаго изученія всей этимологіи по принятой авторомъ системѣ можно ожидать не только основательнаго знакомства съ составомъ церковно-славянскаго языка и съ отношеніемъ къ нему русскаго, но и съ правильнымъ методомъ разсмотрѣнія словъ по составу и по правописанію—такъ какъ учебный матеріалъ въ разбираемой книгѣ обсуженъ обстоятельно и вѣрно.

Въ виду вышеизложеннаго, находя этимологію церковно-славянскаго языка, составленную г. Гиляровымъ для среднихъ классовъ гимназій, весьма полезною, Учебный Комитетъ полагалъ-бы составленную преподавателемъ 3-го военнаго Александровскаго училища Федоромъ Гиляровымъ книгу: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“ (Москва 1876 г.) одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

III. Отъ 1-го марта — 13-го апрѣля 1879 года за № 17, о составленной гг. Смирновымъ и Клеменчикомъ книгъ подъ названіемъ: „Учебникъ латинскаго языка“ съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25-го января сего года за № 25, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ составленная преподавателями 2-й с.-петербургской гимназіи И. Смирновымъ и О. Клеменчикомъ „Учебникъ латинскаго языка“ (вып. 1-й С.-Петербургъ 1878 г.) допускается въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ училищъ, въ видахъ ознакомленія преподавателей латинскаго языка съ методою изученія латинскихъ формъ чрезъ образованіе формъ словъ отъ ихъ основъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ училищъ, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, съ приложеніемъ копии съ журнала Учебнаго Комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 16, — о составленной преподавателями 2-й с.-петербургской гимназіи Иваномъ Смирновымъ и Осипомъ Клеменчикомъ книгъ, подъ названіемъ: „Учебникъ латинскаго языка. Выпускъ 1-й. Курсъ I класса гимназіи“ (С.-Петербургъ 1878 г.).

Разсматриваемая книжка излагаетъ курсъ 1-го класса гимназій, руководясь преимущественно желаніемъ, кромѣ упражненія памяти учениковъ, возбудить и ихъ пониманіе. Осуществить это желаніе составители стремятся объясненіемъ образованія формъ словъ отъ ихъ основъ. Это стремленіе, само по себѣ весьма полезное и заслуживающее одобренія, осуществ-

ляется въ разсматриваемой книжкѣ вообще толково и съ знаніемъ дѣла и что, руководясь изложенной въ ней методой, хорошій учитель безъ особаго труда достигнетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Правда, мѣстами и эта метода представляетъ слабыя стороны, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что наука сравнительнаго языко-вѣдѣнія, въ приложеніи къ латинскому языку, далеко еще не сказала своего послѣдняго слова; къ такимъ слабымъ сторонамъ относится введеніе соединительнаго гласнаго звука *e* въ объясненіе формъ такъ называемаго третьяго спряженія (стр. 5), какое введеніе представляется тѣмъ болѣе нераціональнымъ, что чрезъ страницу авторы разсматриваемой книжки заявляютъ, что въ *praesens* III-го спряженія въ 1, 2, 3 лицѣ единственнаго и 1 и 2 множеств. числа соединительнымъ гласнымъ является *i*, а въ 3 множеств. *u*. Не можемъ не отмѣтить, что и классификація основъ такъ называемаго третьяго склоненія представляется во многихъ случаяхъ сбивчивою и нераціональною.

Разсматриваемая книжка состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: изложенія грамматическихъ правилъ, фразъ и краткихъ басенъ для упражненія въ переводахъ и словъ. О приѣмѣ изложенія правилъ было сказано выше, примѣры для упражненій ничѣмъ не отличаются отъ примѣровъ находящихся въ массѣ другихъ учебниковъ, слова подобраны и переведены правильно. Нѣсколько частныхъ замѣчаній: стр. 1 и слѣд., гдѣ говорится о буквахъ, большею частью вѣрно разграничены понятія буквы и звука, за исключеніемъ опредѣленія слоговъ; такъ на стр. 21 говорится: слогъ считается долгимъ, если гласная (?) въ немъ долгая, и краткимъ, если гласная (?) въ немъ краткая.

Стр. 9. „По значенію грамматическій родъ одушевленныхъ предметовъ (названій лицъ) соотвѣтствуетъ природному“. Фраза запутанная и невѣрная: какимъ образомъ наприм. предме-

ты (съ которыми въ скобкахъ совершенно непонятнымъ образомъ отождествляются названія) могутъ имѣть грамматическій родъ, и что понимаютъ составители подъ выраженіемъ: родъ природный? Стр. 14. Изъ перечисляемыхъ въ примѣчаніи 1-мъ прилагательныхъ на *er*, которыя удерживаютъ *e* передъ *r*, причѣмъ перечисленіе изложено съ покушеніемъ на стихотворную форму, нѣкоторыя, вродѣ *laser*, *gibber*, могли бы быть опущены, а за то на стр. 15 при перечисленіи видоизмѣненій слова *deus* не лишне было бы прибавить форму *gen. plur. deum*. Стр. 15. Изъ перечисляемыхъ именъ мужскаго р. на *is* значительная часть могла бы быть опущена. Стр. 47. Фраза: „Поэты служатъ отечеству“ для ученика I класса не вразумительна. Стр. 59. Послѣ фразы: *Catonis historiarum libri sunt septem* слѣдуетъ перечисленіе содержанія каждой книги, причѣмъ ихъ приведено лишь пять. Сверхъ сего, вышеприведенная фраза не вполне вѣрна потому, что сочиненіе Катона называлось не *Historiæ*, а *Origines*, и оно до нашего времени не сохранилось. Наконецъ архаизмъ въ выраженіи „*bellum pœnicum primum*“ неумѣстенъ.

Относительно орфографіи въ книгѣ гг. Смирнова и Клеменчича можно замѣтить, что напрасно они удерживаютъ формы: *coelum* (вм. *cælum*), *genitivus* (вм. *genetivus*) и т. п.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что внѣшнее исполненіе этой книжки представляетъ верхъ безобразія: не говоря уже о томъ, что вся она напечатана избитымъ и неровнымъ шрифтомъ (см. напр. стр. 62, 64 и др.), въ ней такая масса опечатокъ, извращающихъ смыслъ словъ и количество звуковъ, что удивляешься смѣлости авторовъ, рѣшившихся явиться передъ публикой въ столь неряшливо-безобразномъ видѣ.

Сводя къ одному все вышесказанное, было бы справедливо разсмотрѣнную книжку И. Смирнова и Клеменчича допустить въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ училищъ для озна-

комленія преподавателей оныхъ съ методомъ изученія латинскихъ формъ чрезъ образованіе формъ словъ отъ ихъ основъ.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагалъ бы составленный преподавателями 2-й с.-петербургской гимназіи И. Смирновымъ и О. Клеменчикомъ „Учебникъ латинскаго языка. Выпускъ 1-й. Курсъ I класса гимназіи“ (С.-Петербургъ 1878 г.) допустить въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ училищъ, въ видахъ ознакомленія преподавателей латинскаго языка съ методою изученія латинскихъ формъ, чрезъ образованіе формъ словъ отъ ихъ основъ.

III.

Журналы засѣданій смоленскаго окружнаго училищнаго съѣзда.

ЗАСѢДАНІЕ ПЕРВОЕ.

(Утро).

1879 года Января 24 дня. Члены Смоленскаго Окружнаго училищнаго съѣзда, собравшись въ зданіи Смоленскаго духовнаго училища и провѣривъ наличное число явившихся (явилось 20 депутатовъ, не прибыло 3), по обычной молитвѣ къ Господу Богу, приступили къ избранію, чрезъ закрытую баллотировку, изъ среды своей, Предсѣдателя и дѣлопроизводителя при предстоящихъ занятіяхъ съѣзда; при семъ избраны:—Предсѣдателемъ Смоленской градской Вознесенской церкви Протоіерей Александръ Лавровскій и дѣлопроизводителемъ — села Каспли священникъ Александръ Младовъ, составивъ о семъ акты съ избирательными списками и утвердивъ таковые подписомъ, поручили Протоіерею Александру

Лавровскому представить на благоусмотрѣніе и утверженіе Преосвященнѣйшему Владыкѣ и просить у Его Преосвященства Архипастырскаго благословенія на предстоящія занятія.

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, отъ 31-го января 1879 г. за № 1242, послѣдовала такая: „Смотр.. Избранные утверждаются“.

ЗАСѢДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Вечеръ).

1879 года января 24 дня. Члены Смоленскаго Окружнаго училищнаго съѣзда, въ составѣ 19-ти лицъ (3 депутата изъ полного состава вовсе не явились, а одинъ, священникъ Митрофанъ Соколовъ, съ словеснаго Архипастырскаго разрѣшенія, отбылъ на мѣсто своего служенія, для погребенія тѣла діакона въ завѣдуемомъ имъ селѣ), по утверженіи Его Преосвященствомъ предсѣдателя съ дѣлопроизводителемъ къ оному, прежде другихъ дѣйствій по училищной экономіи, разсматривали составленную Правленіемъ смѣту прихода и расхода суммъ на сей 1879 годъ. Сія смѣта, по разсмотрѣніи и разсужденіи возникавшихъ здѣсь нѣкоторыхъ вопросовъ, была съѣздомъ признана согласною съ потребностями училища и безъ всякаго измѣненія утверждена рукоприкладствомъ членовъ онаго. Далѣе слушали поступившіе отъ училищнаго Правленія документы, и, по содержанію оныхъ, соображали и постановляли свои заключенія, а именно:

1) По поводу прошенія причта Знаменской церкви при Смоленскомъ арестанскомъ исправительномъ отдѣленіи гражданскаго вѣдомства—объ освобожденіи онаго отъ пяти—рублеваго взноса на содержаніе училища,—съѣздъ, по выслушаніи онаго, не могъ убѣдиться въ достаточности причинъ на отмѣну того взноса,—почему желаль-бы, имѣя въ виду другіе причты въ городѣ и уѣздахъ, по положенію и состоянію, также—

не съ крупными средствами, но безспорно и послушно содѣйствующіе пользѣ просвѣщенія дѣтей мѣстнаго духовенства, дабы и знаменскій причтъ не отставалъ отъ участія въ такой пользѣ и чрезъ то не подавалъ повода другимъ на подобныя прошенія къ разстройству благотворительнаго дѣла.

2) Что касается другихъ документовъ, возникшихъ въ слѣдствіе ревизіи училища Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Лебедевымъ, нашедшимъ, между прочимъ, неисправности по училищному зданію и, по количеству учениковъ, нужду въ открытіи параллельнаго 1-го класса, — предметовъ, относящихся до заботливости и средствъ окружнаго духовенства, — то съѣздъ, по тщательномъ вниманіи къ замѣченнымъ г. Ревизоромъ недостаткамъ и Св. Синодомъ утвержденному журнальному постановленію учебнаго комитета, пришелъ къ заключенію, сколько и какъ возможно, удовлетворить означеннымъ потребностямъ. Но такъ какъ зданіе училища, по производящемуся дѣлу о постройкѣ новаго зданія для семинаріи, предположено, съ мѣною на зданія теперешнія семинарскія, перейти въ принадлежность къ проектируемой новой постройкѣ, — то заняться капитальнымъ исправленіемъ настоящаго училища, по переходному его положенію, окружному съѣзду представляется дѣломъ тяжелымъ, тѣмъ болѣе, что оному извѣстно, — какихъ заботъ и средствъ потребуется, если перейдутъ въ его завѣдываніе семинарскія зданія, имѣющія потребовать значительныхъ расходовъ для приведенія ихъ въ должное состояніе, примѣнительно ко всѣмъ нуждамъ, къ помѣщенію тамъ училища. Не смотря на это съѣздъ все — таки не останавливается на томъ, чтобы отказаться отъ исправленій по зданію училища и желалъ-бы, при доброй экономіи училищнаго Правленія изъ находящихся остаточныхъ суммъ, открыть источники на исправленіе хотя нѣкоторыхъ неотложныхъ вещей. Для сего, какъ и для открытія 1-го параллель-

наго класса, онъ, основываясь на 24-мъ § 2 п. 2-го разъясненія Св. Синодомъ положенія о духовныхъ училищахъ, прибѣгаетъ къ церковному источнику, обязуясь, какъ сказано въ той статьѣ, къ неослабному удовлетворенію другихъ требованій отъ того же источника, только бы Его Преосвященство благоволило разрѣшить — къ жертвуемымъ отъ каждаго причта въ училищномъ округѣ по 5-ти рублей въ годъ, вносить тѣми же причтами и въ томъ же количествѣ изъ церковныхъ доходовъ, что составитъ ежегоднаго прихода въ экономію училища 1135 р., изъ каковой суммы не только возможно имѣть наставниковъ 1-го параллельнаго класса и исправить ветхости въ зданіи, но даже, при доброй экономіи правленія, не безнадеженъ остатокъ на погашеніе другихъ нуждъ, какъ напримѣръ —

3) Согласно прошеніямъ учителя приготовительнаго класса, г. Каверзнева и училищнаго врача, г. Строгонова, заявляющихъ желаніе въ прибавкѣ къ получаемому ими содержанию. При разсмотрѣніи сихъ прошеній, между членами съѣзда, на прошеніе г. Каверзнева произошло разнорѣчіе, что вызвало нужду къ закрытому голосованію мнѣнія, и, по исполненіи сего, 11-ть отрицаній противъ 8-ми положеній, привели съѣздъ къ заключенію — отказать ему, г. Каверзневу, въ прибавкѣ. Но къ прошенію врача, г. Строгонова, съѣздъ относится сочувственно, и — какъ ни бѣдны средства окружнаго духовенства, съѣздъ, съ благодарностію къ немалымъ трудамъ его, г. врача, опредѣляетъ: — впредь до улучшенія училищныхъ средствъ — прибавить къ получаемымъ имъ 100 рублямъ 50 рублей въ годъ. —

На подлинномъ Его Преосвященство, 6-го февраля 1879 г. за № 1242, изволилъ наложить слѣдующую резолюцію: утверждатся; исполнить. Правленіе училища сообщить въ Консисторію на ея распоряженіе“.

ЗАСѢДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Утро).

1879 года, мѣсяца января 25 дня. Члены Смоленскаго Окружнаго сѣзда, въ утреннемъ засѣданіи, въ составѣ 20 лицъ (въ оное засѣданіе явился Депутатъ — Дорогобужскаго уѣзда, села Рыбокъ Священникъ Іоаннъ Ивановъ), пересмотрѣвъ журналы и постановленія своихъ занятій и находя вопросы, предложенные сѣзду, по мѣрѣ возможности, рассмотрѣнными и удовлетворенными, постановили: 1) сѣздъ считать оконченнымъ; 2) о священникахъ Краснинскаго уѣзда села Марлина Сергіѣ Юденичѣ и села Мигновичъ Александрѣ Лебедевѣ, неявившихся на сѣздъ, по неизвѣстной причинѣ, на основаніи резолюціи Его Преосвященства, отъ 24 сего января, за № 759, донести, чрезъ Предсѣдателя, Смоленской Духовной Консистоіи; 3) журналы засѣданій, чрезъ того же Предсѣдателя сѣзда, представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Преосвященства и просить Архипастырскаго благословенія на отъѣздъ о. о. Депутатовъ къ мѣстамъ своего служенія.

На подлинномъ Его Преосвященство, 17-го февраля 1879 г., изволилъ написать: „читалъ“.

Подлинныя журналы засѣданій подписывали: Предсѣдатель сѣзда протоіерей Александръ Лавровскій. Члены онаго: протоіерей Андрей Медвѣдковъ, священникъ Стефанъ Бѣлявскій, священникъ Антоній Савинскій, священникъ Григорій Чернавскій, священникъ Владиміръ Гальковскій, священникъ Димитрій Боничъ, священникъ Николай Смирагинъ, священникъ Алексѣй Насѣдкинъ, священникъ Павелъ Недачинъ, священникъ Василій Медвѣдковъ, священникъ Іоаннъ Ивановъ, священникъ Алексѣй Чернавскій, священникъ Димитрій Березкинъ, священникъ Константинъ Вишневскій, свя-

щенникъ Сергій Срединскій, священникъ Василій Пашинъ,
священникъ Петръ Клитинъ.

IV.

Отношеніе къ Его Преосвященству редакціи на-
роднаго журнала „Сельская бесѣда“.

Преосвященѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастыр!

Съ іюля мѣсяца 1878 года предпринято мной изданіе на-
роднаго сельско-хозяйственнаго журнала „Сельская Бесѣда“. Прове-
дя среди народа четверть столѣтія, я изъ опыта и много-
лѣтнихъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи убѣдился
въ томъ, что главною причиною плохаго экономическаго по-
ложенія крестьянъ служитъ отсутствіе разумныхъ основаній
въ веденіи сельскаго хозяйства.

Задача „Сельской Бесѣды“ состоитъ въ томъ: а) уяснить,
при помощи печатнаго слова, простолудину и важность ре-
лигіозно-нравственныхъ принциповъ, въ связи съ Государст-
веннымъ законоположеніемъ, дабы онъ убѣдился, что только
одни эти принципы и законоположенія составляютъ незыбле-
мое основаніе какъ для благосостоянія въ частности каждаго
отдѣльнаго лица, такъ и для благоденствія цѣлаго Государ-
ства; и б) провести, помощію печатнаго слова, въ среду
земледѣльческаго населенія Россіи, разумныя свѣдѣнія по
сельскому хозяйству со всѣми отраслями, его составляющими.
Очевидно, что задача, предпринятая „Сельскою Бесѣдою“
весьма трудная и въ Россіи еще небывалая. Не менѣ оче-
видно и то, что когда „Сельская Бесѣда“ проникнетъ въ на-
родную среду, со своимъ словомъ, то неизбѣжно обнаружит-
ся доброе ея вліяніе и на матеріальномъ бытѣ поселянъ, —

обнаружится доброе вліяніе и на нравственномъ уровнѣ народа, который, вслѣдствіе неразвитости его, къ сожалѣнію, очень низокъ.

До сихъ поръ, для чтенія предлагались русскому народу: сказки, басни, рассказы, гадальники, пѣсенники, но никогда ничего поучительнаго, а тѣмъ болѣе утилитарнаго, направленнаго къ поднятію уровня его благосостоянія. Всѣ эти сказки и басни ничего послѣ себя не оставляютъ ни для ума, ни для матеріальныхъ выгодъ; вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему простолудинъ смотритъ на чтеніе, какъ на забаву, и не допускаетъ возможности пріобрѣтенія знанія этимъ путемъ. Одновременно съ указанными книгами, издаваемыми безграмотными книжными кулаками въ Петербургѣ и Москвѣ, къ несчастію, въ послѣдніе годы въ среду народа проникаютъ, путемъ бесплатной раздачи, книжки и брошюры возмутительнаго содержанія, распространяемые зловредною пропагандой. Орудіе, избранное пропагандистами, если его обсудить со всѣхъ сторонъ—мѣткое и страшное! Правительство принимаетъ противъ него мѣры энергично, но мѣры эти исключительно полицейскія, которыя, правда, могутъ задержатъ и даже помѣшать расширенію пропаганды, но зла съ корнемъ не вырвутъ. Въ дѣлѣ этомъ необходимо содѣйствіе всѣхъ просвѣщенныхъ правительственныхъ лицъ и общества, на благосостояніе и спокойствіе которыхъ направлена такая пропаганда.

На это обстоятельство, имѣющее важное государственное значеніе, уже обращено серьезное вниманіе Высшаго Правительства. Я имѣлъ счастье лично повергнуть на милостивое благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича издаваемый мною журналъ, и Его Императорское Высочество соизволило обратитъ свое благосклонное вниманіе на это изданіе.

Не смотря на чрезвычайную дешевизну изданія: 24 книжки въ годъ, съ портретами, картинками, виньетками и чертежами, *четыре* рубля, — все таки рассчитывать на выписку журнала рабочимъ классомъ едвали возможно, во первыхъ потому, что онъ не имѣетъ понятія о періодическихъ изданіяхъ; во вторыхъ потому, что въ Россіи никогда еще не издавалось ничего подобнаго. Такимъ образомъ мнѣ, какъ частному лицу, невозможно достигнуть распространенія журнала въ той средѣ, для которой онъ предназначенъ. Почему позволяю себѣ обратиться къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшею просьбой оказать свое просвѣщенное содѣйствіе къ распространенію журнала „Сельской Бесѣды“ въ средѣ населенія ввѣренной Вамъ Епархіи и тѣмъ доставить населенію возможность воспользоваться изданіемъ, уже признаннымъ самимъ Правительствомъ полезнымъ.

Василій Кардо-Сисоевъ.

На сѣмъ отношеніи послѣдовало резолюція Его Преосвященства таковая: „14-го февр. 1879 г. По общепольности журнала для сельскаго духовенства, занимающагося земледѣліемъ, разрѣшается выписывать оный на счетъ церковныхъ суммъ, гдѣ ихъ достаточно и особенно гдѣ при церквяхъ имѣются сельскія начальныя училища, о чемъ Консисторія объявить чрезъ епархіальныя вѣдомости съ припечатаніемъ объявленія объ изданіи“.

V.

ЕПАРХІАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Прихожанамъ села Астпковичъ, Рославльскаго уѣзда, за пожертвованіе 450 руб. на возобновеніе въ церкви иконостаса, Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦАЛЬНЫЙ.

С Л О В О,

произнесенное при погребеніи юхновскаго протоіерея Іоанна Богдановича, 20-го апрѣля 1879 года.

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
смертію смерть поправъ!....

Лишь только встрѣтили мы въ семь святомъ храмѣ всемірное торжество воскресенія Христа, и свѣтло отпраздновали и даже доселѣ празднуемъ божественную побѣду надъ смертію, какъ вдругъ предъ нами грустное событіе, которое, если не уничтожило нашего торжества, то на всѣ свѣтлыя надежды наши набросило какую-то мрачную тѣнь.

Христось воскресъ изъ мертвыхъ—вѣщаетъ церковь, смертію смерть поправъ!—А между тѣмъ эта поправанная смерть, такъ немилосердо какъ бы издѣваясь, заявляетъ предъ нами свою страшную силу и заставляетъ насъ вмѣсто торжества лишь скорбѣть и плакать!...

Днесъ всяка тварь веселится и радуется, яко Христось воскресе, увѣряетъ насъ церковь! Такъ! Но пусть себѣ веселится вся тварь,—пусть веселится земля, только что страшнувши съ себя леданую зимнюю кору и насыщаемая теперь благотвореннымъ воздухомъ,—пусть радуется вся природа, растущая и живущая, призываемая къ новой жизни—произрастать, цвѣсти и плодотворить,—но увы! гдѣ же веселіе для смертныхъ? Ужели же то, что лишь только человѣкъ, созрѣвшій умомъ и собравшись съ силами, начинаетъ чувствовать въ себѣ мощь и крѣпость, дѣйствовать на пользу себѣ, обще-

ству и св. церкви,—лишь только начинаетъ видѣть и сознавать свои полезныя дѣйствія и строить планы — продолжать ихъ, — какъ вдругъ смерть, среди самаго разгара жизни, въ самые лучшіе годы дѣйствованія, вдругъ нещадно поражаетъ его самаго своею губительною косою и разрушаетъ такимъ образомъ всѣ благіе замыслы, всѣ полезныя предназначенія!... Какое уже тутъ веселіе?...

Нѣтъ, нерадостна и не весела намъ теперь, особенно теперь, эта священная пѣснь торжества побѣды надъ смертію!... Не радуемся, а лишь плачемъ мы теперь, окружая гробъ только что созрѣвшаго, въ красѣ жизни сраженнаго косою смерти воина Христова, приснаго намъ собрата нашего!...

Возлюбленный братъ и сослужитель нашъ! Какія грустныя думы навелъ ты на насъ своею несвоевременною кончиною?... Сколько горестныхъ размышленій поселилъ ты теперь въ душахъ нашихъ, отходя отъ насъ въ жизнь загробную?.. Въ твоёмъ священномъ служеніи Богу и святой церкви мы видѣли въ тебѣ поборника вѣры. Твой свѣтлый и правдивый умъ далъ намъ пріятное утѣшеніе видѣть тебя среди насъ предстоятелемъ, и затѣмъ могучимъ и честнымъ дѣятелемъ на пользу св. церкви и нашего священнаго общества!... Твои духовныя дѣти видѣли въ тебѣ пастыря неутомимаго, отца сердобольнаго и учителя, — учителя не словомъ только, но и дѣломъ; и вдругъ, среди всѣхъ свѣтлыхъ надеждъ и ожиданій нашихъ, посреди любви и преданности къ тебѣ твоихъ духовныхъ дѣтей, среди самой нѣжной семейной жизни, ты умираешь еще въ крѣпости своихъ лѣтъ, оставляешь насъ, оставляешь свою паству, оставляешь близкихъ твоему сердцу родныхъ, и ближе всѣхъ твою родную, столько любящую тебя и любимую тобою, семью, — оставляешь этотъ величественный благолѣпный храмъ, въ которомъ ты тридцать лѣтъ сподобился служить, принося за весь міръ безкровную жертву и

поучая вѣрныхъ и благочестивыхъ сыновъ церкви заповѣдямъ Божиимъ, и который, наконецъ, только что въ настоящемъ году, при твоёмъ въ немъ предствительствѣ, обновленъ, украшенъ и приведенъ въ благолѣпнѣйшій видъ, — оставляешь и уходишь отъ насъ далеко и безвозвратно, уходишь въ страну невѣдомую и невидимую!... Собрать нашъ, что ты сдѣлалъ?...

Да, что мы въ самомъ дѣлѣ должны думать теперь при видѣ лежащаго во гробѣ брата нашего?... Негрустно-ли въ самомъ дѣлѣ и непечально-ль явленіе это? Но для однихъ-ли насъ только грустно это явленіе?...

Сама св. церковь, сокровищница всѣхъ божественныхъ даровъ человѣку, которой непосредственно отъ Бога въ Его священномъ откровеніи дано вѣдать всѣ глубочайшія тайны божественнаго міроуправленія, — даже сама св. церковь, эта сердолобивѣйшая мать наша, на этотъ разъ какъ будто оставляетъ свое великое и пренебесное значеніе, смиренно снисходить въ кругъ сѣтующихъ своихъ чадъ, и съ недоумѣніемъ даетъ сама себѣ вопросъ: что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся смерти, како сопрягохомся тлѣнію?

Но среди такого непостижимаго для насъ таинства, — среди скорби и разлуки съ жизнію, когда за собственную жизнь нашу мы готовы были бы пожертвовать всѣми благами міра сего, лишь бы отстоять ее и избавиться смерти, — неужели же и нѣтъ уже никакого утѣшенія для насъ смертныхъ и сѣтующихъ о смерти? Неужели же со смертію мы до того теряемъ все, что для насъ дорого, мило, священно, что отъ того должны только грустить и скорбѣть?...

Нѣтъ, братіе, смерть не такъ безутѣшна, какъ она представляется намъ съ перваго раза. Что такое смерть, и откуда явилась она между людьми?... Како предахомся смерти? Како сопрягохомся тлѣнію?...

Воистину Бога повелѣніемъ, отвѣчаетъ намъ сама св. цер-

ковъ—на свой же вопросъ Человѣкъ хочетъ жить, Человѣкъ не хочетъ смерти, — слѣдовательно и изобрѣтать смерти онъ самъ никогда и не вздумалъ бы... Но такъ какъ на то была и есть воля Божія, слѣдовательно и Человѣкъ, послѣ этого, долженъ быть только безусловно покоренъ этой божественной волѣ.

Страшна смерть, все-таки скажете вы!... И за чѣмъ умирать, когда жить хочется, и жить бы вѣчно, бесконечно... Нѣтъ, не страшна смерть. Смерть только грѣшнику люта!... А умирать-то именно и нужно потому, чтобы вѣчно жить, и какъ жить?!.. Въ настоящее время смерть есть явленіе неизбѣжное. Человѣкъ начинаетъ умирать, лишь только начинается его жизнь. Живетъ онъ постепенно и умираетъ постепенно, — и живетъ и умираетъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно умираетъ въ одной жизни для того, чтобы вѣчно и бесконечно жить въ другой жизни... Какъ это происходитъ — захотѣли бы вы узнать?... А вотъ какъ! Жизнь Человѣка начинается обыкновенно въ утробѣ матери. Девять мѣсяцевъ живетъ онъ тамъ этою жизнію; наконецъ приходитъ время разстаться съ этою темною жизнію, и онъ переходитъ въ другую — является на свѣтъ божій?... Не ясно ли, что въ лонѣ матери онъ пересталъ жить, умеръ, и — затѣмъ воскресъ въ объятіяхъ ея?... Далѣе, младенецъ живетъ въ колыбели, живетъ жизнію слабою, безсильною, и наконецъ, получивъ силы встать и ходить, навсегда разстается съ колыбелью. Не умеръ ли онъ для колыбели? Напримѣръ, кто изъ насъ согласился бы теперь опять лечь въ колыбель, чтобы жить колыбельною жизнію?... Еще далѣе, — Человѣкъ растетъ, начинаетъ понимать самого себя, и когда начинаетъ понимать все окружающее его, то не долженъ ли онъ видѣть, и сознавать въ это время, что пришла минута, прошелъ часъ, и они умерли для него; въ слѣдующую минуту, въ слѣдующій часъ, а еще болѣе въ слѣдующій

годъ, онъ уже не тотъ, какимъ былъ за годъ предъ симъ; значить то состояніе его, въ которомъ онъ былъ за годъ предъ симъ, уже умерло для него!... Такъ умираетъ младенчество, и человѣкъ дѣлается отрокомъ; умираетъ отрочество и юношество—человѣкъ дѣлается мужемъ,—послѣ мужества человѣкъ старѣеть... Такъ пройдутъ всѣ годы и періоды его жизни, и всѣ они умираютъ для него, а вмѣстѣ съ ними умираетъ и прошедшее состояніе!... Во всѣ эти прошедшіе и умершіе годы и періоды жизни, умъ человѣка просвѣщается, силы крѣпнютъ,—наконецъ его умъ и всѣ силы его души достигаютъ своего совершенства: многое невѣдомое дотолѣ вокругъ него имъ извѣдано, —неузнанное —узнано; непонятное понятно; что ему остается дѣлать?... Не ясно ли, что ему остается только желать и искать другаго мѣста невѣдомаго и неиспытаннаго, куда душа невольно должна стремиться для новой дѣятельности? Не такъ ли мы и дѣлаемъ, когда намъ дома дѣлать нечего? Не ходимъ ли часто изъ мѣста своей родины далеко на сторону—искать другой работы, другихъ трудовъ, или другой дѣятельности?... Не разлучаемся-ль мы въ это время съ близкими нашему сердцу, и не льются-ль иногда при этой разлукѣ слезы?... А что же значить этотъ переходъ нашъ съ одного мѣста на другое, и отъ одной дѣятельности на другую—какъ не смерть въ одномъ мѣстѣ, и жизнь въ другомъ?... Точно также и смерть послѣдняя на землѣ для человѣка есть не смерть въ собственномъ смыслѣ, а только переходъ человѣка изъ одного періода жизни въ другой,—изъ одного мѣста въ другое; жизнь всё равно остается жизнію. Только переходъ этотъ далеко непохожій на переходы земные... Тамъ за гробомъ, куда переходитъ человѣкъ послѣ послѣдней земной смерти, жизнь вѣчная, безконечная и неизмѣнная!... Тамъ далѣе жизнь тихая, безмятежная, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе!... Итакъ нужно ли

скорбѣть и возмущаться послѣ этого при видѣ послѣдней земной смерти, когда мы видимъ её во всю жизнь нашу, и во всю жизнь, каждый часъ, каждую минуту умираемъ?

Далѣе, посмотрите на природу. Вотъ часто мы видимъ какого нибудь зеленаго или чернаго непріятнаго на видѣ, неуклюжаго червяка. Своимъ безобразіемъ онъ возмущаетъ взоръ нашъ,—мы презираемъ его, боимся взять его въ руки. Червячекъ этотъ, наконецъ, умираетъ, и, сдѣлавши изъ собственной своей кожицы гробикъ, упокоивается въ немъ, пройдетъ нѣсколько времени этого гробоваго его состоянія, изъ этого маленькаго гробика выходитъ красивый мотылекъ, или бабочка, которая мило порхаетъ предъ нами и около насъ, занимаетъ насъ самымъ этимъ порханьемъ, и какъ хочется часто поймать эту бабочку, и держа въ рукахъ своихъ любоваться ея красивыми разноцвѣтными крылышками?... Такъ точно оживутъ и всѣ умершіе на землѣ, и возстанутъ вси сущіи во гробѣхъ, воскреснутъ въ жизнь новую и преобразятся въ новый лучшій видъ, сдѣлаются подобными ангеламъ, будутъ окружать престолъ Всевышняго, и пѣть ему вѣчно, вмѣстѣ съ ангелами, побѣдную пѣснь надъ адомъ и смертію!...

Слѣдуетъ ли послѣ сего скорбѣть объ этой тяжелой земной, суетной и многотрудной жизни?...

Правда—есть еще вопросъ: если уже и нужно умирать, то за чѣмъ же иногда умираетъ человѣкъ еще въ крѣпости силъ, когда онъ еще жилъ бы и жилъ?... Вотъ, на примѣръ, за чѣмъ умеръ сей собратъ нашъ, когда жизнь его едва только преполовилась и до срока обыкновеннаго, когда жива еще родительница его, для которой онъ былъ опорой,—когда должна сѣтовать о разлукѣ съ нимъ его вѣрная подруга жизни, остающаяся теперь съ немалою семьею, одинокою, осиротѣлою?... Къ кому пріютится теперь его осиротѣлая семья, дѣлившая вмѣстѣ съ нимъ въ этой жизни и радости и печали?

ли, и веселіе и скорби? А сколько у него было этих скорбей въ жизни—одному Богу извѣстно!...

Но и на этотъ вопросъ вполне утѣшительно отвѣчаетъ намъ Слово Божіе. Праведникъ, аще постигнетъ скончаться, въ покой будетъ. Старость бо честна — немноголѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчитается. Сѣдина же есть мудрость человѣкомъ,—и возрастъ старости—житіе нескверно. Благоугоденъ Богу бывъ возлюбленъ бысть и живой среди грѣшныхъ представленъ бысть... Скончался бо в малѣ исполни лѣта долга; угодна бо бѣ Господеву душа его, сего ради потщался отъ среды лукавствія (Прем. Солом. 18, 7—14). А что собрать нашъ умеръ смертію праведника и пожать косою смерти какъ пшеница созрѣвшая во время свое, — это очевидно должно быть каждому изъ насъ!... Прежде всего, его предсмертная болѣзнь была самая продолжительная, и, къ несчастію, соединенная еще съ немалыми тревогами душевными и отъ друзей и отъ недруговъ; почему и искушенъ былъ для вѣчности вполне, какъ злато въ горнилѣ страданій... Затѣмъ послѣднія минуты его жизни были таковы, что хотябы и каждого изъ насъ Господь Богъ удостоилъ имѣть такія послѣднія минуты нашей жизни!... Обратите вниманіе! Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ, какъ истинный христіанинъ, прежде всего позаботился очистить свою совѣсть посредствомъ таинства покаянія, и въ надеждѣ соединиться съ Богомъ въ небесахъ, еще здѣсь на землѣ сподобился соединиться съ нимъ въ причащеніи пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовой. Затѣмъ, примирившись съ Богомъ и своею совѣстію, онъ мирно прощался со всѣми окружавшими его болѣзненный одръ, самъ просилъ прощенія у всѣхъ, и великодушно самъ же простилъ всѣхъ своихъ недруговъ, омрачавшихъ отстатокъ дней его разными клеветами и отравлявшихъ тѣмъ еще болѣе надломленную жизнь его, и до послѣдняго своего вздоха утѣшалъ

свою скорбную семью, завѣщая ей не скорбѣть о немъ, а лучше молиться Милосердому Богу и уповать на волю Божию. Далѣе, отправляясь въ другую жизнь, онъ былъ удостоенъ таинства Елеосвященія!.. Посему-то вы видите на главѣ его, сверхъ знака награды отъ царя земнаго, еще другой знакъ съ изображеніемъ на немъ Царя небеснаго. Что онъ лежитъ предъ нами и во гробѣ въ священномъ облаченіи, это значитъ, что онъ и тамъ, можетъ быть, будетъ предъ престоломъ небеснымъ іерей Бога вышняго, и тамъ будетъ молиться за насъ, еще сѣтующихъ на землѣ и теперь объ немъ молящихся. А что онъ повидимому оставилъ насъ, оставилъ своихъ присныхъ и свою дорогую семью,—такъ это не надолго. Всѣ мы тамъ будемъ и всѣ мы тамъ увидимся, и будемъ жить вмѣстѣ, и будемъ также любить другъ друга, но только любовію другою, святою и вѣчнонеизмѣнною.

О собратъ нашъ! Ты переходишь теперь въ жизнь другую. Если ты угоденъ Богу, помолись и всегда молись тамъ и за насъ, съ любовію провожающихъ тебя въ новую жизнь,—помолись въ особенности, чтобы и насъ Господь Богъ сподобилъ также умереть по христіански и также перейти въ будущую жизнь, какъ переходишь ты—истинными христіанами. Аминь.

Юхновскаго уѣзда села Климова,
священникъ *Пареній Богдановичъ*.

По вопросу о семинарскихъ проповѣдяхъ.

(Окончаніе).

Мы разобрали самыя обычныя и самыя ходячія мнѣнія о причинахъ неудовлетворительности семинарской проповѣди и средствахъ къ ея улучшенію, и въ своемъ разборѣ пришли къ тому заключенію, что поставленные нами въ началѣ статьи вопросы: отчего происходитъ та неудовлетворительность се-

минарской проповѣди и какъ пособить горю, въ нихъ почти совѣмъ не рѣшаются, или рѣшаются такъ, что самые эти вопросы снова остаются открытыми. И это намъ кажется отъ того, что, отвѣчая на нихъ, всѣ указанные нами совѣтники упускали изъ виду одну сторону, на которую прежде всего и слѣдовало бы обратить вниманіе, не съ того конца брались и берутся за дѣло. Мы разумѣемъ самую постановку проповѣдническаго дѣла въ семинаріяхъ. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ пишутся семинарскія проповѣди и какъ вообще ведется это дѣло въ семинаріяхъ?

Обыкновенно бываетъ, что теорія, т. е. уроки по гомилетикѣ и исторіи проповѣдничества идутъ сами по себѣ, а практика — писаніе и произнесеніе семинаристами проповѣдей — сама по себѣ. Проповѣди даются семинаристамъ, какъ и другія сочиненія, въ перемежку съ ними, на извѣстные, болѣе или менѣе длинные сроки; дается обыкновенно одна тема для всѣхъ воспитанниковъ; кромѣ того, на каждый встрѣчающійся въ учебномъ году праздникъ назначаются проповѣди для одного или двоихъ воспитанниковъ по очереди или по усмотрѣнію наставника, но такъ, чтобы на долю каждаго воспитанника пришлась одна или двѣ, много три такихъ проповѣди въ два года. Лучшія изъ проповѣдей въ нѣкоторыхъ (замѣтьте, только въ нѣкоторыхъ) семинаріяхъ назначаются для произнесенія въ церкви; впрочемъ это средство очень рѣдко практикуется. Пишутъ семинаристы иногда и экспромпты вмѣсто класснаго занятія теоріей; но и на это дѣло по необходимости удѣляется очень немного классовъ, которыхъ при всемъ обиліи ихъ едва хватаетъ для теоріи. Поэтому въ большемъ ходу такой обычай, — наставникъ приходитъ въ классъ, даетъ одному изъ воспитанниковъ тему для проповѣди и затѣмъ не задолго до окончанія класса заставляетъ его произносить поученіе на эту тему, при чемъ дѣлается обыкновенно разборъ

этого поученія; и это послѣднее средство практикуется не всегда и не особенно часто. При такой постановкѣ дѣла на долю воспитанника въ два года придется произнести одно или два поученія экспромптомъ, два или три написать въ классѣ, одно или два написать и въ рѣдкихъ случаяхъ произнести въ семинарской или другой какой церкви и наконецъ пять или шесть написать въ качествѣ сочиненія; слѣдовательно въ общемъ семинаристы больше пишутъ проповѣди, какъ сочиненія, чѣмъ произносятъ, и если произносятъ, то тоже по готовой тетрадкѣ, и слѣдовательно тоже пишутъ ихъ. И за все эти писанья проповѣди обыкновенно ставятся баллы, какъ и за другія сочиненія и за другіе отвѣты. Вслѣдствіе такого порядка вещей семинаристы обыкновенно смотрятъ на проповѣди, какъ на сочиненія; это вѣрно; спросите какого—угодно семинариста, и онъ скажетъ вамъ тоже самое; говоримъ это по собственному опыту и наблюденію. Сообразно съ такимъ возрѣніемъ на проповѣдь семинаристъ и приступаетъ въ писанію ея.

Неудобно-ли, любезный читатель, заглянуть со мной на нѣсколько времени въ комнату для занятій воспитанниковъ семинаріи и, надѣвши шапку невидимку, подсмотреть, какъ семинаристъ пишетъ заданную ему проповѣдь? Темой для проповѣди данъ текстъ: *блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное* — изъ дневнаго евангелія; отсюда по большей части даются темы. Первые пять дней изъ девятидневнаго срока, даннаго для этой проповѣди, уже прошли безъ всякой думы о проповѣди; правда была, думка, это тотчасъ послѣ того, какъ задана была тема; но эта думка состояла только въ томъ, что на эту тему очень много проповѣдей, что это не то, что сочиненіе, можно еще составить. Хорошо еще, если успокоенный этой думкою семинаристъ только половину срока прогулялъ; бываетъ и хуже, и очень часто.

Но вот настала минута, когда, по его мнѣнію, нужно приняться за проповѣдь. Не думайте, что, приступая къ проповѣди, семинаристъ задумывается надъ тѣмъ, что-бы и какъ бы по-назидательнѣе, по-толковѣе и по-живѣе её написать; эти мысли не приходятъ ему въ голову; проповѣдь, за которую ставятъ баллы, которую и въ церкви-то не произносятъ, для него тоже сочиненіе, которое должно имѣть приступъ, изслѣдованіе и заключеніе, которое должно быть написано по извѣстному плану, связно, послѣдовательно, ясно, точно, складно, которое словомъ должно обладать прежде всего всѣми тѣми литературными достоинствами, которыя требуются отъ другихъ сочиненій. Эти требованія—законныя, основательныя и разумныя въ своемъ мѣстѣ—ему предъявлялись въ теченіи четырехъ лѣтъ по крайней мѣрѣ по десяти разъ въ годъ—итого сорокъ разъ; и сорокъ разъ слѣдовательно, стремясь къ удовлетворенію ихъ, семинаристъ задумывался надъ приступомъ, изслѣдованіемъ, сорокъ разъ озабочивался мыслию о томъ, какъ бы поскладнѣе написать. Что разумѣлъ онъ въ эти сорокъ разъ подъ словомъ: поскладнѣй,—это знаетъ только грудь, да подоплека семинарская; тутъ и *но съ хотя*, и красное словцо и этакой хитросплетенный силлогизмъ, тутъ и вопросъ о переходахъ отъ приступа къ изслѣдованію, отъ изслѣдованія къ заключенію, тутъ все, все бывало и все это выстрадалось муками рожденія. Возможно-ли допустить, чтобы ничего этого не приходило въ голову семинариста теперь, когда ему нужно писать проповѣдь? Вотъ онъ прежде, чѣмъ писать ее, раскрылъ учебникъ; „если, говорится въ этомъ учебникѣ, пишется поученіе, то можно прямо—безъ приступа приступать къ изслѣдованію и въ изслѣдованіи можно и даже должно ограничиться одной стороною вопроса; въ поученіи можетъ даже не быть и заключенія; въ *словъ* (на домъ, на долгіе сроки, семинаристамъ больше и чаще даютъ писать

именно *слова*) этого нельзя; тамъ должно быть и заключеніе и приступъ и изслѣдованіе“. „Итакъ, рассуждаетъ по этому поводу семинаристъ, чтобы это такое въ приступѣ написать, въ изслѣдованіи и заключеніи“?—Начало никогда пѣвцевъ не устрашаетъ и по этому вопросъ о приступѣ очень скоро рѣшается; въ немъ нужно написать, когда, по какому поводу, кѣмъ и кому произнесены эти слова и затѣмъ указать на предметъ настоящаго слова. Этотъ предметъ есть объясненіе даннаго текста.

О, какъ много зла проповѣдническому дѣлу принесло это даваніе текста для проповѣди, особенно текста изъ посланій апостольскихъ — догматическаго или нравственнаго содержанія; и вѣдь на такіе-то именно тексты и написано большинство нашихъ печатныхъ проповѣдей! Правда, въ образцовыхъ печатныхъ проповѣдяхъ это объясненіе текста небезсодержательное и небезотносительное, не такое, какое предлагается въ различнаго рода комментаріяхъ, а толковое, живое, прямо направленное къ назиданію слушателей; но для этого нужно быть *образцовымъ* проповѣдникомъ, нужно знать слушателей, ихъ нужды, потребности, степень развитія и пр. и пр. Ничего этого нѣтъ у семинариста. Пусть наставникъ въ классѣ разъяснялъ, въ чемъ должно состоять это объясненіе; изъ всего, что онъ говорилъ, семинаристъ запомнить только то, что это объясненіе нужно подтверждать примѣрами изъ жизни празднуемаго святаго. Въ силу этого онъ пишетъ свое изслѣдованіе, свое объясненіе текста такъ сказать безотносительно, — какъ вообще пишутся толкованія, совершенно въ школьномъ, сухомъ, отвлеченномъ духѣ и направленіи. Конечно, всякое толкованіе — лишь-бы оно было вѣрно — полезно; но дѣло въ томъ, что въ такомъ толкованіи вовсе нѣтъ жизни. Семинаристъ не знаетъ этой жизни (*), онъ живетъ

(*) Это нисколько не говоритъ противъ справедливости того, что говорено было

вдали отъ живыхъ людей, обложенный книгами, да учебниками, а это много значить для такого или иного склада его мышления. Припомните пожалуйста еще разъ сухія, отвлеченныя требованія, которыя предъявлялись семинаристу въ теченіи 4-хъ лѣтъ отъ сочиненій и отъ самыхъ наукъ, которыя проходилъ онъ. Наукъ этихъ въ одинаковый періодъ времени проходилъ онъ гораздо больше, чѣмъ въ гимназіяхъ, и науки эти именно такого отвлеченнаго характера: логика, психологія, философія, математика и классическіе языки вѣдь гораздо меньше заключаютъ въ себѣ жизни, чѣмъ естественныя науки. Представьте себѣ все это, и предъ вами ясно раскроется тотъ умственный процессъ, то умственное броженіе, что совершается въ головѣ семинариста въ минуты писанія имъ изслѣдованія своей проповѣди; вы ясно увидите ту борьбу за существованіе, которую ведутъ между собой вопросы о переходахъ отъ одной мысли къ другой, хитросплетенные силлогизмы, софистическія тонкости, витіеватыя фразы; тутъ вступаютъ часто въ споръ между собою даже союзы; и все это, чтобъ *по складнѣй*. Да, это: *по складнѣй* и здѣсь стоитъ на первомъ планѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ; и здѣсь даже больше, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, содержаніе играетъ второстепенную роль. Оно и понятно; содержаніе можно сказать готово; если не въ толкованіи, то въ какой-либо проповѣди все-таки можно найти его. И семинаристы всегда находятъ его; на досугѣ—въ первые пять дней послѣ заданія темы—въ семинарской библиотекѣ можно подыскать не одну и не двѣ подходящихъ проповѣди, особенно въ виду того, что проповѣди на тексты всѣ болѣе или менѣе однообразны; можно взять проповѣдь и на другой текстъ и на другой день и раньше о народной жизни; потому что въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ то, что семинаристъ вообще не испыталъ еще жизни, не умѣетъ еще обращаться съ людьми; на все смотреть по своему—по семинарски—по юношески.

все-таки найти въ ней мысли, подходящія къ указанному нами тексту; такъ по большей части общи они. И вотъ „въ результатѣ является, говоря словами о. ректора, проповѣдь написанная грамотно и складно, но не заключающая въ себѣ никакихъ признаковъ личной мысли, личнаго отношенія автора къ дѣлу, а потому проповѣдь отвлеченная, мертвая и не имѣющая никакого значенія“. Но это еще хорошо; это рѣдко бываетъ; чаще же бываетъ то, что проповѣдь и написана-то нескладно, и это по очень простой причинѣ, по той, что большинство семинаристовъ вовсе не настолько развиты, чтобы свободно владѣть словомъ и перомъ. Заручившись источникомъ — безъ источниковъ рѣдко пишутся проповѣди—семинаристъ заимствуетъ изъ него не мысли одни только, а и отдѣльныя слова, выраженія, фразы, хорошіе обороты рѣчи, переходы, и даже цѣлыя отдѣлы; въ такомъ случаѣ берется ужъ не одинъ источникъ, а два и больше и изъ нихъ ужъ сливается проповѣдь; такъ что вся работа тутъ сводится по необходимости къ однимъ фразамъ. Если же семинаристъ—посредственный—пишетъ безъ источниковъ — напр. экспромптъ; то дѣло отъ этого нисколько не улучшается, а напротивъ; потому что тутъ къ виѣшнимъ недостаткамъ — исто-семинарскимъ, присоединяются—семинарскіе же недостатки внутренніе — это полная безжизненность, схоластичность, искусственность и натянутость. Эти недостатки, общіе всѣмъ семинарскимъ сочиненіямъ: не даромъ же сложилось мнѣніе, что семинаристъ можетъ доказать все, что угодно. Задавшіе цѣлю во что бы то ни стало доказать извѣстную мысль по всѣмъ правиламъ риторики, онъ эту риторику и имѣетъ въ виду; души своей онъ не вложить въ эту мысль; этого отъ него не требуется въ хріяхъ, да въ разсужденіяхъ; тамъ нужны доказательства, свидѣтельства, основанія, силлогизмы; и отдѣляется онъ по неволѣ и въ проповѣди тѣми же дока-

зательствами, свидѣтельствами,—отдѣлывается одними общими фразами, да софизмами. И если гдѣ, такъ въ проповѣди—какъ живомъ словѣ къ живымъ людямъ—душа по неволѣ просится высказаться; а она вѣдь есть и у семинариста; но онъ, по опытамъ предыдущихъ лѣтъ, привыкъ скрывать её и вотъ долго, долго мучается онъ надъ этимъ сокрытіемъ души, пока, переломивъ себя, не придетъ къ желанному для него, хотя и не желательному для другихъ концу. Конецъ этотъ не тогда бываетъ, когда онъ ясно и убѣдительно раскрылъ свой предметъ, а когда написалъ и приступъ и изслѣдованіе и заключеніе — въ листъ или полтора — написалъ по плану, связно, складно и даже красиво...

Проповѣдь подана; вотъ она разбирается уже въ классѣ. Страшная минута для семинариста! Не боится онъ произнести свою проповѣдь—особенно въ деревнѣ, — въ церкви; онъ знаетъ, что тамъ его не осудятъ за то, что проповѣдь написана не по плану, нескладно, безсвязно; если тамъ страшно что, такъ это-то, что пожалуй сробѣешь, голосу не хватить, стыдно смотрѣть будетъ; въ классѣ другое дѣло; тутъ, если не наставникъ, то свои же собратья семинаристы на литературныя-то достоинства его проповѣди и обратятъ вниманіе, — за нихъ-то и будутъ пробирать; потому что и они тоже, какъ и онъ, привыкли смотрѣть на свои сочиненія, не какъ на живыя слова, а какъ на разсужденія, не имѣющія живаго отношенія ни къ кому изъ нихъ лично — безотносительныя, или лучше относящіяся къ словесности да логикѣ, а ни какъ не къ людямъ, не къ сердцу. Изъ одного простаго самолюбія позабудешь про этихъ людей, про это сердце, лишь бы складно было написано, лишь бы прошла проповѣдь; вѣдь сейчасъ баллъ будутъ ставить... Тяжело вспоминать; горько все это, но правда — правда не давно—минувшихъ лѣтъ, а настоящая или по крайней мѣрѣ

почти-что настоящая; уйдемъ лучше поскорѣе отсюда, любезный читатель,—а то слезы просятся изъ глазъ.

Но отчего жъ все-таки, слышится мнѣ ужъ нетерпѣливый вопросъ читателя, отчего плохо-то, въ чемъ суть-то этой горькой правды?.. Неужели не видно? А мнѣ представляется ясно, какъ божій день,—ясно представляется мнѣ, что не отъ недостатка образцовъ проповѣдей, не отъ незнанія семинаристами народной жизни и народнаго языка, и даже не отъ темы, не отъ предмета проповѣди главнымъ образомъ зависить то, что семинаристы безжизненно пишутъ проповѣди, а отъ того, что у нихъ образцовъ очень много, что образцы-то неподходящіе, что они пользуются ими безцеремонно и неразумно, а это оттого, что сроки длинные для проповѣди даютъ, оттого, что велятъ писать её по плану, съ приступами, изслѣдованіями и заключеніями, велятъ писать складно, — словомъ велятъ писать какъ сочиненія, смотрятъ на неё какъ на сочиненіе, гоняются за литературными достоинствами, ставятъ за проповѣди баллы, разбираютъ въ классѣ и не произносятъ, или ужъ очень и очень мало произносятъ въ церкви, оттого, что и произносятъ-то не какъ живое слово къ живымъ людямъ, а писаное, по тетрадкѣ, отъ того, что требуютъ отъ мертвой буквы того, что...—Но будетъ; кажется ясно, что вся суть дѣла въ томъ, что проповѣди пишутся, а не говорятся, что пишутся они плохо также и потому же, почему плохо пишутся и всѣ другія семинарскія сочиненія, что проповѣди слѣдовательно и будутъ плохими до тѣхъ поръ, пока будутъ такими семинарскія сочиненія вообще, если они (проповѣди) будутъ приравниваться къ этимъ сочиненіямъ, что слѣдовательно самыя лучшія средства для поднятія уровня этихъ проповѣдей тѣ же, что и для остальныхъ сочиненій — выработанныя за послѣднее время педагогическія правила писанія сочиненій вообще.

Къ нашему счастью нѣтъ нужды указывать на эти правила, и защищать ихъ разумность; потому что нѣтъ нужды учить семинаристовъ по нимъ писать проповѣди собственно, если онъ хорошо пишетъ сочиненія, то онъ и проповѣдь хорошо напишетъ; если же плохо-тѣ, то и эту плохо, сколько не предпринимайте разныхъ палліативныхъ, замазывающихъ средствъ для ея улучшенія; четырехлѣтняя практика всегда сильнѣе теоріи, подкрѣпленной двукратнымъ или даже пятикратнымъ опытомъ, и въ два года не переучитъ семинариста. Да и къ чему?

Когда онъ будетъ сельскимъ священникомъ, тогда ему рѣшительно некогда будетъ писать, обдумывать приступы да заключенія. Но онъ обязанъ; онъ обязанъ представить извѣстное количество проповѣдей—написанныхъ имъ на цензуру о. благочинному; обязанъ представлять ему это количество ежегодно. Къ чему? Неужели опять къ тому, чтобы научить не семинариста ужь, а священника—умѣнью излагать свои мысли на бумагѣ? Поздно; для этого онъ писалъ когда-то еще въ семинаріи—не проповѣди,—проповѣди не для этого пишутся—а письменныя упражненія по другимъ предметамъ. Какая-жъ другая цѣль писанныхъ проповѣдей? Неужели священника, прошедшаго весь богословскій курсъ, состоящаго пастыремъ церкви, нужно еще контролировать въ томъ, что онъ учитъ согласно съ словомъ Божиимъ и ученіемъ церкви? Пожалуй можно и нужно контролировать, только не по писаннымъ проповѣдямъ. Такой контроль сомкнетъ уста священника, но только не для неправого ученія, а вообще для церковной проповѣди, неправое же ученіе, если зараженъ имъ священникъ, онъ все равно можетъ распространять; каждый священникъ ведетъ же пастырскія бесѣды съ своими прихожанами на исповѣди, при исправленіи требъ. Итакъ этотъ контроль, не достигая своей цѣли, приноситъ лишь вредъ: онъ смыкаетъ про-

повѣдническія уста священника, или по крайней мѣрѣ, открываеъ ихъ по заказу, по мѣркѣ. А пиша проповѣдь по заказу, по необходимости, можетъ-ли священникъ думать только о пользѣ проповѣди? Не скорѣе-ли онъ обратитъ вниманіе на ея литературныя достоинства? Вспомнитъ онъ тутъ семинарскіе приступы и изслѣдованія, да заключенія, вспомнитъ источники и напишетъ опять семинарскую проповѣдь; потому что не выучился же онъ на мѣстѣ писать складно и живо. Зачѣмъ же требовать отъ священника писаной проповѣди, а не устно живой и сердечной? Живое слово и обильнѣе и понятнѣе и дѣйствительнѣе писанаго; многое полезное и необходимое, для большей удобопонятности слова, на бумагѣ является излишнимъ, неудобнымъ; разумѣмъ различныя повторенія, вставки, уклоненія въ сторону и т. п. Часто на бумагѣ и не выскажешь того, что хотѣлось бы сказать. Неужели сельскій священникъ въ своей проповѣди писаной-то стоитъ выше всѣхъ этихъ препятствій?

Что же касается бѣльшей плодотворности устной проповѣди предъ писаную, то объ этомъ кажется и распространяться-то нечего; за это говоритъ проповѣдь протестантскихъ пасторовъ и католическихъ ксендзовъ. Какъ много, какъ часто и съ какою пользою говорятъ они! Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но вообще нужно сказать, что своей проповѣди главнымъ образомъ обязаны они тѣмъ вліяніемъ, какимъ они пользуются среди своихъ пасомыхъ. А — еще лучше — наши миссіонеры развѣ по тетрадкамъ проповѣдуютъ христіанство язычникамъ? О, тогда бы у насъ не было ни одного прозелита, тогда бы не хватило писаныхъ книгъ, чтобъ изложить на бумагѣ все, что нужно передать язычникамъ для ихъ обращенія въ христіанство! Зачѣмъ же проповѣдь священниковъ къ своимъ прихожанамъ заключать въ листъ или два бумаги? Зачѣмъ заключать въ эту узкую рамку особенно

проповѣдь сельскихъ священниковъ къ своимъ простецамъ—прихожанамъ? Если писаная проповѣдь можетъ имѣть значеніе, то предъ людьми развитыми только, и то не всегда, а только тогда, когда она вышла изъ самаго сердца проповѣдника, прочувствована имъ, а не писана по заказу и по мѣркѣ. За доказательствами ходить недалеко. Есть у насъ проповѣди Филарета, митр. московскаго, Иннокентія, еписк. херсонскаго, священника Орлова, и др. и есть проповѣди пр. Ключарева — нынѣ еп. Амвросія и Іоанна, еп. смоленскаго; первыя несомнѣнно преимуществуютъ предъ послѣдними въ литературномъ отношеніи, но послѣднія далеко оставляютъ за собою тѣ первыя по силѣ впечатлѣнія. Отчего-жь это? Не отъ одного того, что тѣ писаны большею частію на тексты, а эти—безъ текста, — а отъ того, что тѣ писаны по правиламъ гомилетики и писаны прежде произнесенія ихъ, а послѣднія—записаны имъ послѣ того, какъ они безъ плана, безъ подыскиванія текстовъ вылились изъ сердца. Другой примѣръ, болѣе подходящий къ дѣлу. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ того изъ профессоръвъ больше, съ большимъ удовольствіемъ и съ большею пользою слушаютъ, который не читаетъ, а говоритъ свои лекціи. Представьте же себѣ теперь, что вышло бы, если бы стали читать лекціи, а не просто говорить ихъ наставники среднихъ учебныхъ заведеній предъ своими слушателями, людьми менѣ развитыми сравнительно съ воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній. Вышло бы, и къ несчастію выходитъ иногда, что слушатели или спятъ, или запасаются своими книжками, или.. Спустимся еще ниже—къ простолюдинамъ;—но пусть говорятъ за себя факты. Припомните сцену, указанную нами выше, какъ мужики во время говѣнья читаютъ житія святыхъ; вѣдь на что кажется проще этой книги,—но и тутъ они не могутъ обойтись безъ живаго слова, безъ комментаріевъ; это необходимое и разумное пе-

дагогическое средство для большаго и лучшаго усвоенія прочитаннаго. Къ чему-жь намъ еще свидѣтелей?

Если же такъ, если писаная проповѣдь и неудобна и бесполезна и невыносима,—если сами слушатели свидѣтельствуютъ, что имъ нужно живое слово; то къ чему она?—къ чему она въ устахъ сельскаго священника? Къ чему навязывать ее тамъ, гдѣ она не нужна? Если же такъ; то къ чему приучать къ ней воспитанниковъ семинаріи? Къ чему наваливать на нихъ бремена неудобноносимыя и бесполезныя? Неужели для того, чтобы, ставъ священникомъ, онъ замолчалъ на церковной кафедрѣ? Вѣдь не въ писаныхъ проповѣдяхъ, опять повторяемъ, которыя пишутся и произносятся по заказу, польза настоящаго пастырскаго ученія, если есть она,—а въ тѣхъ живыхъ, устныхъ задушевныхъ бесѣдахъ, которыя безъ плановъ и приступовъ ведутся священниками съ прихожанами на исповѣди, при исправленіи требъ и случайныхъ — домашнихъ столкновеніяхъ. Отчего не сдѣлать такую же церковную проповѣдь? Отчего жъ не велѣтъ будущимъ священникамъ не писать, а говорить проповѣди?

Конечно, можно на это возразить: да кто-жь запрещаетъ-то священникамъ говорить изустныя поученія въ церкви предъ всѣми прихожанами? Но это возраженіе справедливо только на бумагѣ—съ своей такъ сказать формальной, законной стороны, а не на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ теперь это для большинства даже невозможно потому, что священникъ, прошедшій теперешнюю школу гомилетики, смотритъ на проповѣдь какъ на сочиненіе; онъ привыкъ такъ смотрѣть,—онъ и изъ учебника и изъ образцовъ узналъ и знаетъ, что есть *слова*, есть *поученія*, *бесѣды*, а не просто проповѣдь, не просто живое слово къ живыхъ людямъ; онъ не произнесъ — т. е. не сказалъ ни одной проповѣди не писаной на тетрадкѣ, а простой сердечной; онъ не привыкъ къ этому; его не приучили;

онъ боится. Недумайте, что это пустыя фразы, мелочныя отговорки; всѣ преподаватели учебныхъ заведеній, помнящіе свои первые шаги на педагогическомъ поприщѣ, могутъ засвидѣтельствовать фактическую справедливость этихъ словъ. Когда я шелъ въ первый разъ въ классъ -- замѣтите -- хорошо приготовившись, мнѣ казалось, что я вѣроятно ничего не скажу; и подлинно: въ первые классы я пугался даже въ предложеніяхъ; это отъ того и тогда, когда среди говоренія урока я вдругъ вспоминалъ, что меня слушаютъ пятьдесятъ человекъ, я путался, краснѣлъ, но говорилъ, говорилъ по необходимости и чѣмъ больше забывалъ о себѣ и о томъ, что я говорю предъ слушателями, которые могутъ оцѣнивать, критиковать меня, тѣмъ больше я отдавался самому предмету, пока наконецъ я не увлекался, и тогда рѣчь моя шла безъ всякихъ заминаній и стѣсненій; я самъ послѣ чувствовалъ, что тогда я говорилъ гораздо живѣе, толковѣе, яснѣе и понятнѣе; я припоминалъ сказанное, пытался занести это на бумагу, но тутъ у меня опять повторялась та-же исторія, что и въ первые классы. — Конечно все это доказываетъ то, что священникъ, сознающій превосходство устнаго слова предъ писанымъ и не говорящій устныхъ проповѣдей, не имѣетъ права жаловаться на семинарію, что его не приучили тамъ къ этому; пожалуй и такъ; но все это доказываетъ вмѣстѣ и то, что для того, чтобъ привыкнуть къ этому дѣлу, нужно на первыхъ порахъ отказаться отъ своего самолюбія, нужно приневоливать себя, идти противъ себя, — доказываетъ, что этотъ первый шагъ труденъ даже для тѣхъ, кто добровольно идетъ на это дѣло, — доказываетъ вмѣстѣ и то, что и человекъ не умѣлаго, неискуснаго, пусть изъ одного самолюбія робѣющаго (а вѣдь самолюбіе важный двигатель жизни), можно приучить говорить и не по писаной тетрадкѣ, и не заученое только, можно приучить, заставивъ его говорить по необходимости;

доказываетъ вмѣстѣ и то, что семинаристовъ не можно только, а и должно приучить именно говорить проповѣди, хотя бы пришлось приневолить ихъ къ этому.

Мы не то хотимъ сказать этимъ, что должно заставлять семинаристовъ устно говорить безъ всякаго приготовленія проповѣди въ церкви, тѣ проповѣди, которыя они произносятъ теперь по тетрадкѣ; конечно хорошо бы это слушать живую, задушевную рѣчь молодого оратора — учителя; но это — *ria desideria* пока. Съ другой стороны и не то предлагаемъ мы, чтобы замѣнить этою живою рѣчью настоящее преподаваніе гомилетики, вытѣсняя это послѣднее совсѣмъ. Это насильственная и неразумная мѣра; будущій проповѣдникъ—хотя бы то и сельскій—долженъ непременно знать исторію проповѣдничества,—и знать проповѣди не однихъ только отцевъ и учителей церкви и не однихъ только древнихъ русскихъ проповѣдниковъ, а и современныхъ русскихъ, долженъ знать этихъ послѣднихъ гораздо больше даже, чѣмъ древнихъ. Если не содержаніе, то приемы и методы многихъ современныхъ проповѣдниковъ, дѣйствующихъ въ той же средѣ, въ которой придется дѣйствовать и семинаристу, во многомъ и очень многомъ могутъ быть пригодны ему; и пусть это знакомство будетъ не по учебнику только, а и по самымъ проповѣдямъ; слѣдовательно исторія проповѣдничества должна занять первое мѣсто въ урокахъ гомилетики. Мы даже не противъ и теоріи гомилетики, только не въ томъ духѣ и направленіи и не въ томъ объемѣ, въ какомъ она преподается теперь; по нашему мнѣнію изъ нея должно исключить всѣ разглагольствія о приступахъ, изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ, о планахъ, текстахъ и т. п., оставивъ въ ней самое существенное понятіе о проповѣди—ея видахъ и практическія правила, руководствующія къ произнесенію, — а не писанію проповѣдей,—все остальное входитъ какъ часть въ составъ словесно-

сти и въ гомилетикѣ лишь повторяется. Пора оставить мысль, что теорія непремѣнно есть только именно теорія гомилетики на примѣръ; въ учебномъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ это не приложимо; теорія есть вмѣстѣ и исторія. Это давно ужь сознали преподаватели словесности, и посмотрите: теперь ни одна теорія словесности не похожа на теорію гомилетики, хотя та и другая въ существѣ учить одному—писанію. Пусть же теорія и гомилетики будетъ главнымъ образомъ исторіей проповѣдничества — и особенно русскаго, современнаго, но рядомъ съ такой теоріей, рука объ руку съ ней, какъ ея добрая половина, будетъ и практика; пусть въ видѣ практики будетъ не казенное произнесеніе писанныхъ проповѣдей, а живое говореніе проповѣдей предъ живыми людьми. Мы не говоримъ даже и того, что на эту практику должно быть употребляемо классное время; правда, его шесть уроковъ, но все-таки жалко тратить его въ виду основательнаго изученія исторіи проповѣдничества; и люди-то въ классѣ сидятъ такіе, которые подчасъ и не нуждаются въ живомъ словѣ—будутъ пожалуй смѣяться надъ проповѣдникомъ; да они и непохожи на тѣхъ людей, предъ которыми послѣ придется дѣйствовать семинаристамъ. Нужно, чтобъ это говореніе было предъ мужиками, предъ людьми неразвитыми. Въдѣ пришли къ мысли о необходимости подкрѣплять теорію педагогики живою практикою въ воскресныхъ школахъ; эти школы кажется есть теперь при каждой семинаріи. Ученикъ, прослушавши въ классѣ урокъ о различныхъ методахъ преподаванія, ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, не на бумагѣ только, или, что все равно въ данномъ случаѣ, устно предъ наставникомъ и товарищами рассказываетъ о томъ, какъ должно вести дѣло,—не маневры производитъ даже, а дѣйствуетъ, говоря по просту, не нарочно, а въ за правду; онъ учить въ воскресной школѣ, — онъ, а не наставникъ—и судя по реви-

зѣннымъ и семинарскимъ отчетамъ учить съ пользою для себя и для дѣтей. Отчего жъ не приложить этого средства и къ семинарскимъ проповѣдямъ? Отчего не заставлять воспитанниковъ говорить поученія въ воскресной школѣ? Слушателями могутъ быть не одни дѣти; въ школу можно привлечь будетъ тогда и отцевъ и матерей и братьевъ этихъ дѣтей. Если дѣти стали ходить въ воскресныя школы, то станутъ ходить и отцы и матери ихъ. Конечно для того, чтобы они слушали, желали слушать, нужно и говорить имъ то, что они хотятъ слушать, что они могутъ слушать. Народу нужно объясненіе богослуженія, народъ любитъ житія святыхъ; ему нужно предлагать это и здѣсь—и въ воскресной школѣ. Чтобы это говореніе не выходило казеннымъ повтореніемъ заученнаго, ненужно за ранѣе объявлять, а лишь за полчаса или вообще за столько времени, во сколько можно прочесть предположенное къ разсказу, дать ученику книгу, а потомъ, сразу же по прочтеніи взять и заставить говорить, разсказывать предъ мужиками. Чтобы не было лукаваго подготовленія къ этому со стороны учениковъ, можно заставлять говорить преимущественно не объясненіе богослуженія, что подчасъ и трудно, а разные поучительные разсказы изъ нашихъ духовныхъ журналовъ безъ порядка; такихъ разсказовъ много въ душеполезномъ чтеніи и въ странникѣ. Оба эти журнала къ тому жъ выписываются очень многими сельскими священниками и по большей части лежатъ они въ церковной библиотекѣ, прочитанные лишь самимъ священникомъ. А они стоятъ того, чтобы пустить ихъ въ оборотъ между прихожанами и самое лучшее средство для этого говорить,—а не читать изъ нихъ поученія; иначе зачѣмъ и выписывать ихъ. Одинъ сельскій священникъ для того именно и выписываетъ ихъ, чтобы послѣ самоличнаго прочтенія разсказывать потомъ прочитанное въ церкви; обыкновенно онъ читаетъ подходя-

щую статейку предъ обѣдней, а потомъ и расскажетъ ее въ церкви вмѣсто поученія, и мужики очень благодарны ему особенно за рассказы изъ странника. Отчего жъ не заставлять тоже самое дѣлать и семинаристовъ? Можно даже заставлять и текстъ какой-либо простой объяснить; въ Евангеліи много есть такихъ текстовъ, которые можно объяснить и безъ подготовки. Но непремѣнное условіе при этомъ, какъ и въ воскресной школѣ, по занятію педагогикой—не ставить балловъ и не требовать отъ ученика на первомъ планѣ складнаго, литературнаго изложенія; нужно заставлять его говорить до тѣхъ поръ, пока его поймутъ, усвоятъ сказанное имъ; пусть для этого придется семинаристу повторять сказанное, уклоняться въ сторону, прибѣгать къ разнымъ средствамъ, неудобнымъ въ проповѣди, какъ литературномъ произведеніи; это не бѣда; мы и не имѣемъ въ виду научить его говорить красиво, а просто; понятно. Какъ скоро достигнута эта цѣль, проповѣдь хороша, больше на первыхъ порахъ желать нечего. Но уже и одно то, что онъ перестанетъ смотрѣть на проповѣдь какъ на сочиненіе, которое нужно непремѣнно писать по плану, перестанетъ думать о приступѣ, заключеніи и фразахъ, много подвинетъ дѣло впередъ; ставши священникомъ съ такимъ взглядомъ и съ такой привычкой онъ не заботится выступить съ устной проповѣдію и въ церкви, не будетъ имѣть отговорки: некогда да некогда говорить; чтобы прочесть житіе нужно полчаса времени; а жизнь—она сама укажетъ ему, что говорить; онъ станетъ говорить и говорить не книжно, сухо и отвлеченно—по писаному, а живой рѣчью, такъ, какъ самъ понимаетъ. Нужно значитъ позаботиться не о томъ, какъ научить писать—для этого существуютъ сочиненія, а о томъ, какъ понимать.

Итакъ мы хотимъ сказать, чтобы въ семинаріяхъ въ видѣ практики семинаристы обязательно говорили проповѣди предъ

мужиками и дѣтьми въ воскресныхъ школахъ; если мало этого или это неудобно, то можно устроить такія говоренія и предъ обѣдней въ классѣ и даже въ двухъ, слушатели найдутся и тутъ и даже больше, чѣмъ въ воскресной школѣ; всѣ тѣ, которые ходятъ въ близъ лежащія къ семинаріи или къ семинарскія церкви къ обѣдни, будутъ заходить и въ классъ; затѣмъ въ семинаріяхъ есть служителя, — тоже народъ все от простой. Отчего не дѣлать такихъ опытовъ и надъ ними? Да и вообще стоитъ только начать это дѣло, какъ начались воскресныя школы, время само покажетъ подробности, какъ устроить его...

Мы же съ своей стороны въ заключеніе всего оказаннаго считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что, разбирая разныя мнѣнія о причинахъ неудовлетворительности семинарской проповѣди и средствахъ къ ея улучшенію и высказывая свои предположенія, въ большинствѣ случаевъ основанныя на личномъ опытѣ и наблюденіи, мы не думали и не думаемъ, что скажемъ все — разъяснили всѣ частности и подробности; последнее слово объ этомъ въковомъ вопросѣ принадлежитъ не журнальной замѣткѣ и не одному человѣку. Мы хотѣли и хотимъ намѣтить лишь ту сторону дѣла, на которую по нашему мнѣнію слѣдовало бы обратить вниманіе нашимъ семинарскимъ педагогамъ. Мы сочтемъ свое слабое, но честное слово достигшимъ своей цѣли даже въ томъ только случаѣ, если оно вызоветъ другое слово — мудрѣйшее и сильнѣйшее; пусть оно докажетъ лишь несправедливость нашего слова и то хорошо; скорбное дѣло семинарской проповѣди и чрезъ то подвинется впередъ.

И. С.

Отвѣтъ на предложенный редакціи вопросъ.

1) Какъ поступать съ младенцами, которыхъ матери во время сна приспали или задушили, т. е. можно ли погребать ихъ безъ свидѣтельства отъ полиціи?

2) Какъ поступать духовнику съ виновницами смерти такихъ младенцевъ, ихъ матерями, т. е. можетъ ли онъ налагать на нихъ эпитемію, опредѣленную 65 правиломъ Номоканона при требникѣ, не спрашивая на это разрѣшенія отъ епархіального преосвященнаго?

Въ сводѣ Законовъ т. XIII, ст. 1738 говорится, что до погребенія судебно-медицинскому осмотру подвергаются тѣла 1) умершихъ вскорѣ послѣ наружнаго механическаго насилія, отъ ушиба, отъ раны, отъ паденія съ значительной высоты и т. под.; 2) тѣла умершихъ скоропостижно съ необыкновенными припадками, подающими поводъ къ подозрѣнію въ отравѣ; 3) тѣла умершихъ по наружномъ употребленіи вредныхъ паровъ, мази, ваннъ, умыванія, пудры и т. под.; 4) найденное мертвое тѣло съ знаками наружныхъ насилій или безъ нихъ; 5) вообще тѣла людей, бывшихъ по видимому здоровыми и умершихъ скоропостижно отъ неизвѣстной причины; 6) найденное мертвое тѣло новорожденнаго младенца. Судебно-медицинскій осмотръ производится также въ тѣхъ случаяхъ, когда есть подозрѣніе въ умерщвленіи и изгнаніи плода и наконецъ, когда возникаютъ жалобы о приключившейся смерти отъ неопозволительнаго лѣченія шарлатанами и другими не имѣющими права на лѣченіе. Судебно-медицинскому осмотру подвергаются также тѣла замерзшихъ, утонувшихъ и т. под. Изъ приведенной статьи свода Законовъ, такимъ образомъ, видно, что священникъ не можетъ предать землѣ тѣла лицъ, умершихъ неестественною (насильною) смертію и найденныя тѣла умершихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Смерть младенца, происшедшая отъ удушенія его во время сна матерью, есть смерть конечно неестественная. Стало быть, по прямому смыслу 1738 ст. XIII т. свода Законовъ, тѣла такихъ младенцевъ, хотя о ихъ въ ней и не упомянуто должны бы прежде погребенія подлежать судебно-медицинскому освидѣтельствуванію. Но съ другой стороны, какъ видно изъ содержанія самой преведенной выше статьи, судебно-медицинскій осмотръ имѣеть въ виду главнымъ образомъ точнѣе опредѣлить причину смерти, и, если будетъ доказано, что смерть произошла отъ насилія со стороны другихъ, дать толчекъ къ производству судебного слѣдствія и открытію виновниковъ преступленія. Когда же младенецъ задушенъ спящею матерью, то причина смерти его извѣстна, извѣстна и невольная виновница ея — мать. Мать, умертвившая во снѣ своего ребенка, хотя и считается убійцею, но убійцею невольною, совершившею грѣхъ въ сонномъ безсознательномъ состояніи и слѣдовательно не подлежащую наказанію по судебному приговору; она считается виновною по законамъ церковнымъ и за свой грѣхъ подлежитъ суду духовника. Приходскій священникъ какъ умеръ его прихожанинъ — естественною смертію вѣлѣдствіе болѣзни, или скоропостижно отъ неизвѣстной для него (священника) причины, опредѣляетъ тѣмъ, были ли умершій предъ смертію напутствованъ имъ таинства исповѣди и св. Причастія и если былъ, то въ какомъ положеніи находился больной. Младенцевъ, какъ извѣстно, священникъ не напутствуетъ и о болѣзни ихъ родители заранѣе священника не увѣдомляютъ, а приносятъ обыкновенно прямо въ церковь уже умершаго и здѣсь же говорятъ ему о причинѣ смерти, о которой священникъ спрашиваетъ, чтобы сдѣлать отмѣтку въ графѣ метрической книги: „отъ чего умеръ“. Въ этомъ случаѣ священникъ принимаетъ на вѣру объясненія родителей и всегда, конечно, можетъ быть ими обмануть, ес-

ли на тѣлѣ умершаго младенца нѣтъ видимыхъ знаковъ, которые указывали бы на причину смерти. Узнавъ о томъ, что всѣ младенцы, умершіе отъ задушенія во время сна матерями, должны подвергаться судебно-медицинскому осмотру, — родители ихъ, желая избѣжать нелюбимый ими судебной процедуры, конечно всегда будутъ умалчивать о дѣйствительной причинѣ смерти такихъ дѣтей, а матери — виновницы ихъ смерти, можетъ быть, будутъ даже умалчивать о своемъ грѣхѣ и предъ духовникомъ, чтобы не попасть *подъ дѣло*. Поэтому намъ кажется, что если мать искренно и съ раскаяніемъ сознается въ своей винѣ и нѣтъ причинъ подозрѣвать ее въ умышенномъ умерщвленіи своего дитяти, священникъ можетъ похоронить умершаго отъ удушенія младенца и безъ судебно-медицинскаго осмотра. Но если священникъ встрѣтитъ при этомъ какое либо сомнѣніе, то, конечно, долженъ прежде погребенія довести о дѣлѣ до свѣдѣнія полиціи и ждать обычнаго съ ея стороны распоряженія.

II. Отвѣтъ на второй вопросъ, т. е. можетъ ли духовникъ налагать на женщину, задушившую своего ребенка во снѣ, эпитемію, требуемую 65 правиломъ Номоканона при Требникѣ, безъ донесенія объ этомъ своему епархіальному Преосвященному, — можно видѣть въ ставленной грамотѣ священника, гдѣ говорится: „Мы (т. е. рукоположившіи архіерей) утвердили ему власть исповѣдавшихъ ему своя совѣсти вязати и рѣшити благоразудно, по правиламъ св. апостоловъ и св. Отецъ: вящшыя же и неудоборазудныя вины приносить и предлагати намъ“. Всякое, значить, сомнѣніе, которое встрѣтитъ духовникъ при разрѣшеніи или запрещеніи кающагося, онъ долженъ представлять на благоусмотрѣніе епархіальнаго преосвященнаго, что онъ долженъ дѣлать, само собою, и въ указанномъ случаѣ. Весьма подробныя наставленія о томъ, какъ священникъ долженъ смотрѣть на каноническія поста-

новленія св. Отцевъ и Соборовъ объ эпитеміяхъ, изложены въ Духовномъ Регламентѣ (Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго § 14). Основываясь на правилахъ св. Отцевъ и Соборовъ (Василія Вел. пр. 3, 74; св. Григорія Нисскаго пр. 4; 102 пр. Трулльскаго собора) и на толкованіяхъ на эти и подобныя правила Вальсамона, Зонары и Аристана, Духовный Регламентъ говоритъ: „не непремѣнные суть о епитиміяхъ каноны, но разсужденію отца духовнаго оставленные, который долженъ смотрѣти, кто и каковъ есть кающійся и истинно ли кается и каковую епитимію понести можетъ, чтобы жестокое наказаніе вмѣсто врачевства не обратилось ему въ отраву отчаянія. И по такому всѣхъ обстоятельствъ разсмотрѣнію, можетъ духовный отецъ и умножати и умаляти время и количество епитиміи, и едину епитимію перемѣнять на другую. Иногда же усмотря неудобство епитиміи кой-либо исполненія, никакой не налагати епитиміи. Таковыхъ убо довольно страхомъ суда Божія обуздавъ, да не воспыятъ къ злодѣянію возвратятся, а за грѣхи исповѣданные еще истинно каются, предложеніемъ Божія благоутробія утвердивъ ихъ, можетъ духовный отецъ прощенія сподобити, и безъ епитиміи удостоити причастія Таинъ святыхъ; развѣ бы усмотрѣлъ отецъ духовный, что исповѣдующійся у него человекъ такъ на всякую епитимію готовый, что ни къ отчаянію, ниже къ лѣности и небреженію помянутая епитимія, то есть отрѣшеніе на нѣкое время святыхъ таинъ причастія, не опровержетъ его, но и паче къ вѣщшему грѣховной тяжести, и гнѣва Божія познанію приведетъ, и къ теплѣйшему покаянію устроить его. И такому кающемуся можетъ духовный отецъ на нѣкое время при иныхъ къ исправленію угодныхъ епитиміяхъ наложить и епитимію отрѣшенія Таинъ святыхъ. Однако же сіе самъ собою творити духовникъ да не дерзаетъ, но у своего архіерея, предложивъ ему вся обстоятельно о каю-

щемся, тогмо не именуя его, просить разсужденія и благо-
словенія. Собственно же и именно, оную въ древнемъ обычаѣ
бывшую епитимію, еже на долое время лишати таинъ свя-
тыхъ, грѣховъ тертость и востигающая понеже она древле
была во врачество, яко показующая злыя похоти, нынѣ же
не токмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнливымъ
стала, тайнымъ же раскольникамъ и весьма любимая, и при-
творныхъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочно поискуема, отсель
оставити подобаетъ и оной не употребляти помянутыхъ ради
винъ“.

Правила св. Отцевъ и соборовъ о продолжительномъ отлу-
ченіи отъ св. Таинъ за тѣ или другіе грѣхи должны быть
нынѣ принимаемы священниками въ руководство только для
опредѣленія тяжести того или другого грѣха, такъ что толь-
ко въ этомъ отношеніи до сихъ поръ правила эти должны
сохранять свою полную силу.

Этими постановленіями Духовнаго Регламента объ эпитиміяхъ
священникъ долженъ руководиться и въ отношеніи правила
65 Номоканона, приложеннаго къ Требнику.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЪ 1-го ЮЛЯ 1878 ГОДА

ИЗДАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

НАРОДНЫЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКАЯ БЕСѢДА“.

Изданіе народнаго сельско хозяйственнаго журнала „Сельская
Бесѣда“ предпринято, по почину и при содѣйствіи Земства
Смоленской губерніи, съ цѣлью провести, помощію печатнаго

слова, въ среду земледѣльческаго населенія разумныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству со всѣми отраслями, его составляющими.

Журналъ „СЕЛЬСКАЯ БЕСѢДА“ издается по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Статьи, направленныя къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня поселянъ.

Отдѣлъ II. Статьи по обработкѣ и удобренію почвы, по воздѣлыванію хозяйственныхъ растений, по скотоводству, садоводству, огородничеству, пчеловодству, шелководству, рыборазведенію и лѣсоводству.

Отдѣлъ III. *Сельская технологія и кустарная промышленность.* Здѣсь будутъ помѣщены: выработка крахмала, приготовленіе овчинъ, а также смолокуреніе, сидка дегтя и прочія производства и ремесла, возможные въ быту поселянъ.

Отдѣлъ IV. *Народное здравіе и скотоврачеваніе.* Сподручныя средства въ сельскомъ быту противъ болѣзней людскихъ и противъ болѣзней скота.

Отдѣлъ V. *Земское дѣло.* Отдѣлъ этотъ будетъ посвященъ описанію разныхъ мѣропріятій земства, клонящихся къ улучшенію быта поселянъ.

Отдѣлъ VI. *Извѣстія рассказы и новости.*

Отдѣлъ VII. Объявленія.

„СЕЛЬСКАЯ БЕСѢДА“ выходитъ книжками не менѣе трехъ печатныхъ листовъ, два раза въ мѣсяцъ. Цѣна изданію за 24 книжки съ портретами и рисунками — *три рубля* безъ пересылки; а съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи — *четыре рубля*. Цѣна отдѣльной книжки, вполне законченной, 20 коп.

Иногородные, желающіе подписаться на „СЕЛЬСКУЮ БЕСѢДУ“, благоволятъ присылать свой точный адресъ и деньги:

въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи „СЕЛЬСКАЯ БЕ-
СѢДА“, по Невскому проспекту, д. № 82, кв. № 43.

Городская подписка принимается:

1) въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ Редакціи въ книжномъ
магазинѣ для Иногородныхъ, на Невскомъ проспектѣ, про-
тивъ Гостиняго двора, д. № 44.

2) въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страст-
номъ Бульварѣ.

Только что отпечатана 8-мъ изданіемъ и поступила въ про-
дажу книга:

ПОЛНЫЙ НАСТОЯЩІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ РУССКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ,

содержащій въ себѣ: ясное и точное описаніе всѣхъ болѣз-
ней, ихъ признаки и причины, средства предупреждать ихъ
и леченіе съ помощію самыхъ вѣрныхъ и простыхъ лекарствъ
безъ пособія врача и аптекарскихъ медикаментовъ.

Съ присовокупленіемъ леченія болѣзней домашнихъ живот-
ныхъ и наставленій какъ собирать, высушивать и хранить
лекарственные растения, находить полезныя травы, корни,
ворки и проч. и отличать ихъ отъ бесполезныхъ, и пригото-
влять изъ нихъ домашнимъ образомъ лекарства: микстуры,
пластыри, настои, рвотныя, слабительныя, потогонныя и проч.
и проч.

Съ приложеніемъ къ книгѣ 48 рисунковъ, сочиненіе доктора
медицины *Ф. Ловевскаго*.

Восьмое изданіе, вновь передѣланное и дополненное 365-ю
практическими средствами, открытыми въ недавнее время
знаменитыми врачами; исправлено по замѣчаніямъ *Медицин-*

скаго Департамента. Шестъ частей. Около 500 страницъ плотной убористой печати. М. 1879 г. Цѣна 2 р. 50 коп., въ лучшемъ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. На пересылку прилагать 4-ре почтовыхъ марки 8-ми коп. достоинства. Выписывающіе единовременно нѣсколько экз. на пересылку не прилагаютъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ предлагаемаго *Лечебника*, въ продолженіи 30-ти лѣтней своей практики при Императорскихъ театрахъ, департаментахъ *правительствующаго сената*, разныхъ госпиталяхъ, походахъ и различныхъ командировкахъ, излѣчилъ одержимыхъ разнообразными болѣзнями тѣми средствами, которыя предложены въ его сочиненіи, 33,132 человекъ. Авторъ, увѣрившись многократными опытами, что простой народъ имѣетъ больше довѣрія къ простымъ лекарствамъ и таковыя охотно принимаетъ, потому что видитъ ихъ дѣйствительность и ихъ вездѣ удобно дастъ, приноравливался къ ихъ мнѣнію и расположенію, постоянно пользовалъ ихъ отъ болѣзней простѣйшими домашними лекарствами, и всегда видѣлъ хорошіе успѣхи, чему можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ вышешоказанная цифра. Эти-то средства и образъ ими пользованія, собранныя воедино и дополненныя новыми средствами, открытыми въ недавнее время знаменитыми врачами, предлагаются благосклонному вниманію просвѣщенной публики и въ особенности *духовенству*, которое, имѣя въ рукахъ этотъ лѣчебникъ, прекратитъ въ народѣ довѣренность къ бабьимъ лѣкарствамъ и, наблюдая предписанія, заключающіяся въ семь лѣчебникѣхъ, спасетъ жизнь многихъ людей и освободитъ ихъ отъ мучительныхъ страданій. Въ книгѣ подробно объяснены всѣ признаки неясныхъ и требующихъ особенныхъ примѣтъ болѣзней, и при всякомъ родѣ болѣзней вычислены

разныя избранныя средства, которыя можно вездѣ достать и съ пользою употреблять отъ всякихъ болѣзней; описано какъ составлять, на подобіе аптекарскихъ, домашнія настойки, разные взвары, капли, порошки, микстуры, ванны, промывательныя, мази, пластыри, и соединять всякіе нужные составы для пользованія отъ разныхъ болѣзней. Сверхъ того, описаны и всѣ предосторожности, которыя должно соблюдать простолюдинамъ для предохраненія себя отъ многихъ болѣзней; когда кровь бросать, когда слабительное или рвотное должно принимать, и когда вредно, и какъ пособлять домашнимъ животнымъ отъ разныхъ болѣзней. По даннымъ же въ лѣчебникѣ наставленіямъ всякій заранѣе припасетъ, весною и лѣтомъ, разныя травы и цвѣты, а осенью стѣмена, ягоды, плоды, корки, настойки, мази, пластыри и прочіе составы, дабы оныя имѣть всегда готовыми, когда понадобятся, для употребленія ихъ въ разныхъ видахъ къ лѣченію отъ всякаго рода болѣзней, и будетъ въ состояніи лѣчить безъ иноземныхъ и купленыхъ лѣкарствъ, и тѣмъ замѣнить всегдашній въ нихъ по деревнямъ недостатокъ иногда случающійся и въ госпиталяхъ. Для православнаго духовенства, къ которому сплошь и рядомъ прибѣгаютъ крестьяне не только за исцѣленіемъ духовныхъ недуговъ, но и тѣлесныхъ ранъ „Лѣчебникъ д-ра Лоевскаго“ представляетъ необходимую настольную книгу для руководства приготовленія лекарствъ и леченія болѣзней простыми домашними средствами.

Адресъ: въ Москву, книгопродавцу Денису Ивановичу Прѣснову.

БАЛА СМОЛЕНСКАГО ОБЩЕСТ

ДЕБЕТЪ

Къ 1-му іюня

Обезпеченіе 1154 членовъ	3347955	—
Суды подь процентныя бумаги	229261	36
— — товары	17278	93
— — недвижимыя имущества	461312	45
Счетъ учтенныхъ векселей	612034	28
— — — съ обезпеченіемъ	57420	—
— — процентныхъ бумагъ и купоновъ	8634	74
— — протестованныхъ векселей	103621	08
Спеціальныя текущіе счета	720692	36
Проценты по обязательствамъ Обществ. съ 1 Іюля	54445	13
Уплаченныя проценты по серіямъ	—	—
Имущество Общества	4150	19
Расходы по Управленію съ 1 Іюля	7755	59
— подлежащіе возврату	1083	93
Текущій счетъ Общества въ другихъ банкахъ	1851	—
Касса	20082	60
Членскій взносъ въ иногородныя Общества	3080	—
Счетъ корреспондентовъ { loco 567876—41	860303	54
{ nostro 292427—13		
— протестованныхъ векселей съ обезпеченіемъ	16043	—
Кладовая 343277		
БАЛАНСЪ	6527005	18

НСЪ ВА ВЗАИМНАГО КРЕДИТА.

1879 года.

КРЕДИТЪ

Капиталь обезпеченія	3347955	—
— оборотный	371995	—
— запасный	44556	95
Текущіе счеты членовъ	83035	45
Условные текущіе счеты	18444	31
Вклады срочные	694911	40
— безсрочные	420419	07
— условные	171442	90
Проценты по операціямъ Общества	49791	36
Спеціальный счетъ въ отд. Госуд. банка	44000	—
Переучетъ векселей	291977	—
Обезпеченіе вексельной операціи по § 18	35254	75
Переходныя суммы	26143	31
Перезалогъ процентныхъ бумагъ	—	—
Счетъ суммъ отчисленныхъ на 1 января	56069	85
— Дивиденда по 1878 г.	7910	81
— — — за 1878 г.	18430	50
— Прибыли на 1-е января	—	—
— — — на 1-е іюля	—	—
Счетъ разныхъ лицъ	3361	67
— корреспондентовъ { loro 652901—32 }	—	—
{ nostro 188404—53 }	841305	85
	—	—
Вклады на храненіе 343277		
БАЛАНСЪ	6527005	18

СОДЕРЖАНИЕ: *Отдѣлъ оффиціальный:* 1) Высочайшій рескриптъ. 2) Указы Св. Синода. 3) Журналы засѣданій смоленскаго окружнаго училищнаго съѣзда. 4) Отношеніе къ Его Преосвященству редакціи народнаго журнала „Сельская Бесѣда“. 5) Епархіальное извѣстіе. *Отдѣлъ неоффиціальный:* 1) Слово, произнесенное при погребеніи протоіерея Іонна Богдановича. 2) По вопросу о семинарскихъ проповѣдяхъ. 3) Отвѣтъ на предложенный редакціи вопросъ. 4) Объявленія: а) объ изданіи журнала „Сельская Бесѣда“, б) объ изданіи Русскаго Лечебника. 5) Балансъ смоленскаго общества взаимнаго кредита.

171471
171472
171473
171474
171475
171476
171477
171478
171479
171480
171481
171482
171483
171484
171485
171486
171487
171488
171489
171490
171491
171492
171493
171494
171495
171496
171497
171498
171499
171500

Печатать дозволено цензурой. Смоленскъ 15-го іюня 1879 года. Въ типографіи наслѣдн. А. Н. Переплетчикова.